© 2021. С. С. Жданов

Сибирский государственный университет геосистем и технологий
Новосибирский государственный технический университет
г. Новосибирск, Россия

Основные черты имажинально-географической Германии в русских травелогах конца XVIII — первой половины XIX вв.

Аннотация: В статье рассматриваются пространственные образы Германии, представленные в отечественных травелогах конца XVIII — начала XIX вв. Изученный с точки зрения семиотического подхода текстовый материал исследования составили произведения А. Т. Болотова, Д. П. Горихвостова, Д. И. Фонвизина, Н. М. Карамзина, С. А. Корсакова, В. К. Кюхельбекера, Ф. П. Лубянского, И. П. Мятлева, М. П. Погодина, А. Я. Климова, В. Н. Зиновьева. В результате анализа указанного материала установлен набор основных черт, характеризующих имажинально-географическое пространство Германии. Его ядром выступает мотив упорядоченности, актуализирующийся в двух основных пространственных формах: рационально организованных в духе Просвещения локусах и идиллии, в основе которой лежат элементы аркадского мифа. С понятием порядка также связаны иные пространственные характеристики «локутного» пространства Германии в русской литературе рассматриваемого периода, включая мотивы аккуратности, чистоты, закрытости, узости, миниатюрности локусов. Подчеркивается амбивалентность восприятия русскими путешественниками немецкого пространства. Идиллическая Германия не только выступает объектом восхищения, но и иронически травируется в ряде отечественных литературных текстов. Рационально организованное, маркированное цивилизованностью немецкое пространство как восхваляется за его удобство, так и критикуется в рамках его крайних сверхорганизованных дегуманизирующих форм.

Ключевые слова: пространство, имагология, Германия, интертекстуальность, травелог, мотив, сентиментализм, романтизм, русская литература.

Информация об авторе: Сергей Сергеевич Жданов, доктор филологических наук, доцент, Сибирский государственный университет геосистем и технологий, ул. Плеханова, 10, 630108 г. Новосибирск, Россия, Новосибирский государственный технический университет, пр-т Карла Маркса, 20, 630073 г. Новосибирск Россия, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8898-6497>

E-mail: fstud2008@yandex.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 24.01.2021

Дата одобрения статьи рецензентами: 27.03.2021

Дата публикации статьи: 28.06.2021

Для цитирования: Жданов С. С. Основные черты имажинально-географической Германии в русских травелогах конца XVIII — первой половины XIX вв. // Два века русской классики. 2021. Т. 3, № 2. С. 16–39. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-2-16-39>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution
4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 3, no. 2, 2021, pp. 16–39. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 3, no. 2, 2021, pp. 16–39. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2021. **Sergey S. Zhdanov**
Siberian State University of Geosystems and Technologies
Novosibirsk State Technical University
Novosibirsk, Russia

Principal Features of the Imaginal-geographic Germany in Russian Travelogues of the Late 18th — First Half of the 19th Centuries

Abstract: The paper deals with the spatial images of Germany represented in Russian travelogues of the late 18th — first half of the 19th centuries. The text corpus studied from a semiotic perspective consists of works by A. T. Bolotov, D. P. Gorikhvostov, D. I. Fonvizin, N. M. Karamzin, S. A. Korsakov, W. K. Küchelbecker, F. P. Lubyansky, I. P. Myatlev, M. P. Pogodin, A. Ya. Klimov, V. N. Zinovyev. A set of principal features representing the imaginal-geographic Germany is determined. The center of this set is the motif of orderliness actualizing in two images — a rationally organized space in the spirit of the Enlightenment and an idyll based on the Arcadian myth. The other spatial characteristics of the patched-up Germany are cleanness, accuracy, closeness, narrowness, miniatureness connected with the concept of order. The ambivalence of Russian travelers' perceiving the German loci is emphasized. The idyllic Germany is not only admired but also ironically travestied in Russian literature. The rationally organized, civilized German landscape is both praised for its comfortableness and criticized in the frames of its extreme forms for dehumanization.

Keywords: space, imagology, Germany, intertextuality, travelogue, motif, sentimentalism, romanticism, Russian literature.

Information about the author: Sergey S. Zhdanov, DSc in Philology, Associate Professor, 1) Siberian State University of Geosystems and Technologies, Plakhotnogo street, 10, 630108 Novosibirsk, Russia, 2) Novosibirsk State Technical University, Karl Marx Avenue, 20, 630073 Novosibirsk, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8898-6497>

E-mail: fstud2008@yandex.ru

Received: January 24, 2021

Approved after reviewing: March 27, 2021

Published: June 28, 2021

For citation: Zhdanov, S. S. "Principal Features of the Imaginal-geographic Germany in Russian Travelogues of the Late 18th — First Half of the 19th Centuries." *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 3, no. 2, 2021, pp. 16–39. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-2-16-39>

The space of Germany in the Russian literature of the late 18th — 19th centuries represents one of the spatial variations of Other in the Russian culture and can be analyzed as such from the perspective of imagology in literary studies. The latter can be determined as a field of literary studies that deals with “genesis, construction and broadening of images of Self and Other as well as images of nations”¹ [Neumann B.: 2]. As J. Leersen writes, these images “...are tropes, commonplaces, obtain familiarity by dint of repetition and mutual resemblance...” and refer “*not* to empirical reality but to an intertext” [Leersen: 26]. From the imagological point of view spatial images are an important part of such heteroimages, “the place of an otherness” and “a viatic space” that “...is strongly affected by stereotyping” [Westphal: 112] and has consequently a set of characteristics repeating in many literary texts.

In terms of German spatial images in the Russian literature of the 19th century, it should be emphasized that certain features of this imaginal-geographic Germany have been analyzed in the works by F. W. Neumann [Neumann F. W.] as well as S. V. Obolenskaya [Obolenskaya] or O. B. Lebedeva and A. S. Yanushkevich [Lebedeva, Yanushkevich]. However, the whole set of these spatial characteristics based on the analysis of the tradition in Russian travelogues of the late 18th – 19th centuries hasn’t been studied yet. This paper should help to fill the lacuna.

In addition, the text analysis in this paper is based on the position that the imaginal-geographic Germany is represented in the Russian literature of the 19th century in relation to at least four basic narrative modalities. They can be notionally determined as sentimental (idyllic), romantic, travestied (ironic) and rather neutral (‘naturalistic’, ‘slice-of-life’ manner) but are often mixed with each other within particular texts.

The main feature of the anthropic space of Germany in Russian literature must be its high degree of order. It should be agreed to F. W. Neumann’s conclusion that German space in Russian literature is represented as over-

---

¹ Hereinafter translated from German by the author.

organized. German high-level cultivation is opposed in the literary texts to the wild essence of “the ancient Russian natural landscape” [Neumann F. W.: 120]. This German space is described as “shaped by people”, “smoothed” and “fenced” [Neumann F. W.: 120], i.e. anthropic-organized, comfortable/un-dangerous and closed, respectively.

The motif of the German high orderliness is represented in different discourses of Russian literature. The authors of the pre-Karamzin epoch especially stress the regularity of the urban design in accordance with Enlightenment preferences. Thus, V. N. Zinovyev and D. I. Fonvizin mention the “regular” Mannheim: «Город новый, совсем регулярный...» [Zinovyev: 349]; «...лучше его я не видал в Германии: строение новое и регулярное» [Fonvizin 2: 455]. On the contrary, the Dresden palace is negatively assessed by V. N. Zinovyev as «строение весьма беспорядочное, ибо состоит в соединении шести или семи домов, которые не весьма хороший вид делают» [Zinovyev: 339].

D. I. Fonvizin’s attention is also attracted by advances of the Western civilization making life more comfortable. They are the little of what draws the author’s praise. For example, in Nürnberg D. I. Fonvizin describes «славный бронзовый фонтан, за который государыня предлагала тридцать тысяч рублей, но меньше пятидесяти не продают...» [Fonvizin 2: 514]. The author is delighted with public baths in Leipzig: «Устройство... бань отменно хорошо. <...> Чистота, услуга и удобства... неописаны. ...у нас нет такого приятного и для здоровья полезного установления» [Fonvizin 2: 509].

Orderliness, human-dimensionality of space are used in the sentimentalism texts by N. M. Karamzin and F. P. Lubyansky for constructing an idyllic German space particularly having Arcadian features in the image of Saxony [Zhdanov]. The nature is harmonically mixed here with the anthropic space, cultivated and gentled: «...Эльба и цепь высоких холмов, покрытых леском, из-за которого выставляются кровли рассеянных домиков и шпицы башен. <...> поля, обогащенные плодами; везде <...> зеленые ковры, усеянные цветами» [Karamzin: 56]; «...ты видишь не одни только места картинные, но несколько городов, несколько сот селений, одно другого лучше, одно другого счастливее» [Lubyansky 1: 23]. The same image of the cultivated land is presented in A. T. Bolotov’s text that contains both pre-Karamzin and sentimentalism features and describes the idyll of the East Prussia: «Тут господствовал уже во всем иной порядок...:

деревни были чистые, расположены и построены изрядным образом, дороги повсюду хорошие, и в низких местах повсюду мощеные, а инде возвышенные родом плотин и усаженные деревьями» [Bolotov 1: 466]. The Arcadian features also appears in later Russian travelogues, for example, in a fragment of V. K. Küchelbecker's romanticism text, representing spatial images of the Vistula region: «Необозримые пажити, светлые рощи, богатые луга, множество селений и городков на высоких берегах величественной прелестной реки...» [Küchelbecker: 11].

In addition, the image of the organized German space is connected in the sentimentalism texts with the concept of the enlightened monarchy. Therefore, the figures of Prussian kings and Saxon prince-electors become relevant in the travelogues at the turn of 19th century. N. M. Karamzin's Russian traveler glorifies the Prussian king Friedrich Wilhelm I who is credited with many "deeds useful for the state" («дела, полезные для государства»): «Кто привлек в свое государство множество чужестранцев? Кто обогатил его мануфактурами, фабриками, искусствами? Кто населил Пруссию? Кто всегда отходил от войны? Кто отказывался от всех излишностей..., чтобы его подданные не терпели недостатка в нужном? Фридрих Вильгельм!» [Karamzin: 42]. F. P. Lubyansky also represents the Saxon prince-electors Friedrich August III as an enlightened monarch protecting his citizens' rights, "kind and peace-loving sovereign" («добрый и миролюбивый Государь»): «Курфирст у нас блюстителъ только законов: они столь же для него священны, сколько и для последнего из его подданных...» [Lubyansky 1: 25–26].

Saxony in whole is marked by F. P. Lubyansky as an incarnation of the organized enlightened monarchy combining advances of Reason and patriarchal idyllic features relating to the common good: «Образ правления нашего предоставляет нам самим право делать все те учреждения, кои по общему согласию могут быть признаны полезными...» [Lubyansky 1: 26]. The leading motif of this state is order. Saxony is regulated in the social sphere: «Между высоким и средним Дворянством, равно как и между всеми состояниями, проведена здесь черта, за которую никто не выходит: все в своем круге» [Lubyansky 1: 17–18]. Its fiscal field is also well-ordered: «Правительство... не упустило из виду ни одного предмета, который может умножить его доходы» [Lubyansky 1: 40], «...постоянный и твердый во всем порядок, уверенность в употреблении сих сборов на общее благо, непоколебимое трудолюбие, трезвость и

умеренность делают их [налоги. — С. Ж.] для всякого сносными» [Luby-anovsky 1: 40]. The same order is noticed in economic management at whole: «...часть хозяйственная... в великом здесь устройстве» [Luby-anovsky 1: 36]. It is the space of the triumphal rationality: «Здесь без расчета никто ни полшага; все взвешенно и все измерено» [Luby-anovsky 1: 16]. All good changes are caused according to F. P. Luby-anovsky by the enlightened state policy civilizing the people: «Правительство сделало... для крестьян то, что только может быть полезнее...: распространило... просвещение» [Luby-anovsky 1: 38].

The idea of ordering space is closely connected with the motif of temperance in Russian travelogues dedicated to Germany. Not without some grain of the Russian empire aristocratism V. N. Zinovyev notices slipshod manners and simplicity in Prussian king's clothes («...вышел с палкой, <...> в синем мундире, закиданном табаком, и сапоги весьма красноваты. Трудно вообразить, что сей — тот, который против всей Европы оборонялся в одно время и всех... расщелкал; но сие есть действие привыкших глаз к роскоши» [Zinovyev: 338]) or laments the German avarice by making a banquet: «Обедал я... в Магдебурге <...> и его величество не расшибся в великолепии сих обедов, ибо больше четырех блюд не бывало, а десерт был пирожки» [Zinovyev: 345]. The level of luxuriance is what the Russian aristocrat stresses. On describing Leipzig he notices: «Перемену чрезвычайную нашел в Лейпциге. Роскошь чрезвычайно умножилась» [Zinovyev: 342]. That's why relatively humble conditions in the Saxon court cause to him ambivalent feelings. On the one part, he laments the boredom of the court life, lack of luxuriance: «Дворцовые, как и все прочие собрания, довольно скучны...», there are only “vestiges of the court splendor” («остатки великолепия двора» [Zinovyev: 340]). On the other part, V. N. Zinovyev recognizes former Saxon rulers' luxuriance was very ruinous for the country: «...земля еще не могла так скоро оправиться после правления двух королей, которые роскошью и глупой пышностью все, кажется, употребили, чтобы землю свою истощить...» [Zinovyev: 339]. In addition, Saxon current sovereign's temperance and carefulness with his territory is explained due to necessity to recover it after the Seven Years' War: «...король прусский всевозможные способы употребил в Семилетнюю войну, чтобы сию несчастную землю изнурить» [Zinovyev: 339].

In contrast with V. N. Zinovyev's text, Friedrich's simplicity in manners and style is rather positively stressed in A. Ya. Klimov's memoirs who forced-

ly served in the Prussian army: «Он никогда себя великолепно не убирал, носил он без всяких балетов синий кафтан, шляпа без позументу с полимажем, сапог мало когда были мазаны. Трафило в походе, что он, не спрашивая постели, спал с солдатами, приобня, разостлав епанчу. <...> он иногда с солдатами разговаривал так, будто был им ровный товарищ» [Pokhozheniya praporschika Klimova: 45–46].

As stated by A. T. Bolotov, one of king's palaces in the East Prussia looks relatively poor and ordinary in comparison with houses of the Russian aristocracy: «...королевский дворец... составлял тогда очень небольшой и такой каменный домик, каких у нас в Москве несколько сот найти можно...» [Bolotov 1: 711].

The Augsburgian patricians are more critically characterized by D. I. Fonvizin: «...больших господ нет. Первые люди, то есть патриции, не заслуживают человеческого имени» [Fonvizin 2: 515]. V. N. Zinoviev also notices reproachfully about citizens of Dresden: «...к сожалению, премалейшее расстояние между народом и дворянством нашел» [Zinoviev: 340].

In the sentimentalism discourse temperance has a different characterization in the frames of the Arcadian idyllic myth. Its part is a motif of “following the ideal of temperance (*temperantia*) trough curbing one's passions (*moderatio animi*)” [Thiergen: 75]. In N. M. Karamzin's laudation to Friedrich Wilhelm the latter is praised for his self-denial: «...отказывался от всех излишностей, для того, чтобы его подданные не терпели недостатка в нужном» [Karamzin: 42]. The same temperance is positively noticed by the Russian traveler in Berlin: «...богатые и знатные люди не расточают денег на суетную роскошь, и соблюдают строгую экономию в столе, платье, экипаже и проч.» [Karamzin: 48].

This motif is also typical for F. P. Lubyansky's representation of Dresden: «...роскошь не в высшей степени. Осторожная бережливость отъемлет ли у здешних жителей охоту к ея блеску и удовольствиям, или заставляет против воли от них отказываться» [Lubyansky 1: 16]; «Не удавалось мне тут видеть ни весьма богатых, ни весьма бедных людей» [Lubyansky 1: 32]. Like V. N. Zinoviev, F. P. Lubyansky compares old and new Saxon arrangements in the context of the motif of temperance («Если обратиться к прошедшему времени, когда здесь роскошь <...> блеск свой поддерживала чужим имуществом <...>, то нельзя не отдать справедливости здешнего Правительства, которое <...>

решилось отречься от прежних правил <...> Умеренность заступила место роскоши...» [Lubyanovsky 1: 36]) and connects it with sequences of the Seven Years' War: «...бедствия, навлеченные семилетнею войною, были... великим уроком умеренности, которая обращает все наше внимание на внутреннее благоустройство и обогащение Государства» [Lubyanovsky 1: 24].

Even the weather in Saxony is described as temperate: «В Саксонии климат постояннее; зима там столь была умерена, что я в одном куртке всякий день ходил гулять загород» [Lubyanovsky 1: 123].

But what is marked rather positively on the macroscale, i.e. on the level of state and nature, can be represented ironically on the microscale of a person. Thus, Germans in the Russian travelogues are described neither extremely bad nor very good. They are often mid-level and very moderate from Russian authors' point of view. Temperance in this context can transform to ordinariness: «Холодный нрав здешних жителей... мало сроден к великим и сильным впечатлениям...» [Lubyanovsky 1: 21–22]; «Здесь во всем столько меры и весу, что самая чувствительность должна покоряться сему закону» [Lubyanovsky 1: 22]. Saxons in F. P. Lubyanovsky's travelogue tend to a peaceful life that is, however, rather monotonous and has nothing to do with great challenges: «...нрав здешних жителей <...> не ищет тех добродетелей, где требуется некоторый род восторга, и останавливается на тех, кои могут не нарушать его покоя» [Lubyanovsky 1: 21–22]. The people of Saxony seem to have no sense of worldly pleasures, do not show their emotions and virtues of friendship and charity: «Я не приметил в здешних крестьянах того добродушия, коим наши всегда отличались; ни склонности к благотворению...; ни готовности к услугам. <...> Нет между ними того гостеприимства, которое у нас... мы находим» [Lubyanovsky 1: 34]). In the same way, A. T. Bolotov panegyricizes the kindness of his landlords, the Swiss living in Königsberg, opposing their manners to the Prussian cold nature: «...дивился, что нашел посреди Кенигсберга таких добрых людей. Но удивление мое скоро исчезло, когда я узнал, что старики мои были не природные прусские жители, а уроженцы <...> Швейцарии» [Bolotov 1: 891].

On the whole, the German life is described as a reiteration of one and the same happenings strictly controlled: «...здесь для купцов ограничен род торговли тот самый, какой кто себе однажды навсегда избрал <...> Торговля и все ремесла... здесь наследственны: от отца переходят они

к сыну» [Lubyanovsky 1: 42]. Even the life of the Saxon prince is marked with sameness and statics fixing thereby the achronic character of the locus: «...столько единообразен в своей жизни, что сегодня я могу смело сказать, какое платье наденет он в сей самый день следующего года...» [Lubyanovsky 1: 25].

N. M. Karamzin's attitude towards the German temperance is ambivalent. On the one hand, the Russian traveler praises Berliners' sparing style of life. On the other hand, he is rather negatively surprised with its extreme examples: «Я видел старика Ф** едущего верхом на такой лошади, на которой бы, может быть, и я постыдился ехать по городу, и в таком кафтане, который шит конечно в первой половине текущего столетия» [Karamzin: 40].

Later, in the context of the romanticism discourse, the Saxon temperance is also represented with a dramatic irony in V. K. Küchelbecker's travelogue of the early 1820-ies when describing curiosity seekers: «Саксонец вообще в таком случае тих, молчалив, внимателен, глубокомыслен; <...> смотрели на госпожу Сталь и на морского льва, на великаншу и на всех присутствующих важно, пристально, спокойно, с величественною осанкою» [Küchelbecker: 16]. However, Saxony is basically labeled here idyllic, in other words similar to the image of the locus within the sentimentalism discourse («Все долины, холмы и скаты усеяны бесчисленным множеством селений, деревень, городов...» [Küchelbecker: 13]. The image of the tolerant Saxon ruler is in the same way as in the sentimentalism texts connected with the concept of the enlightened monarchy: «В Саксонии король не обращает внимания на безделицы, которые сами по себе никак не могут быть опасными для правителя...» [Küchelbecker: 25]. The simplicity in Friedrich's manners is represented with the image of his last unpretentious resting place: «...он в простом гробе с свинцовою обшивкою...» [Küchelbecker: 11].

Along with the sentimentalism and romanticism discourses some Russian travelogues of the first half of 19th

century describing Germany can be referenced as the 'slice-of-life' narrative that tends to 'realistic' describing the German territories and their people. But even in these travelogues of the 1830–40-ies there are features of the German spatial images which are similar to the previous literary tradition.

German unwillingness to change is referred by D.P. Gorikhvostov in the scene of visiting F. G. Klopstock's house. The Russian traveler meets here

poet's sister who has been living in one and the same residence for more than fifty years what is according to the author "a striking example of the German consistency" («разительный пример Немецкого постоянства») [Gorikhovostov 2: 313].

M. P. Pogodin in the text of the 40-ies uses the motif of temperance when describing Germany the image of which ballances between the patriarchy of the agrarian idyll and the rationality of the Modern age. These mixed concepts are represented in the motives of the cultivated Prussian land («Поля все возделаны — загляденье! Едешь как по саду. Везде видна забота, попечение» [Pogodin 1: 100]) and the cheapness of the German temperate style of life («Немецких учителей нельзя сравнивать с нашими: нужды их несравненно меньше; жить у них гораздо дешевле...» [Pogodin 1: 102]). As in the sentimentalism travelogues, different German stratas (even the highest) are marked by M. P. Pogodin with the motif of temperance. He particularly describes the Prussian prince walking in Marienbad: «...он <...> в соломенной шляпе, в черном сюртуке... прогуливался наравне со всеми, как бы самый последний гражданин. Бережливость и простота Великого Фридриха... продолжают украшать его потомство!» [Pogodin 4: 73].

The author rather positively marks in many cases German bureaucrats' sense of duty, their ability to carry out the order, punctuality, hard-working nature («точность, исправность, добросовестность, трудолюбие») what often lacks Russian government officials but the latter have more "poetry", i.e. imagination, in contrast with 'prosaical' Germans [Pogodin 4: 78].

In addition, M. P. Pogodin stresses that even German little towns are the loci of civilization in keeping with the spirit of the Enlightenment: «В самом последнем городишке есть публичная библиотека, есть книжная лавка, есть ученое образованное общество» [Pogodin 1: 102]. The space of German hotels is also marked with order and comfort: «Немецкие гостиницы устроены отлично: чистота, порядок, точность и определенность, заслуживают всякой похвалы» [Pogodin 1: 88]. The Prussian postal service is compared by M. P. Pogodin to a high-quality clock mechanism that actualizes the meaning of rational organizing the German space in the Russian literature: «Прусская почта устроена превосходно <...> Все как по заведенным часам» [Pogodin 1: 100].

It can be seen from the fragments mentioned above that the representations of Germany permanently balance between the spatial images of idyll

or rationality and pragmatism. The sphere related with the latter concept tends to get marked as place of Philistines, rational bourgeois. That actualizes two controversy emotional expressions of Russian travelers — admiration and (more or less slight) irony. By the way, the image of the 'prosaical' Germany should be based on the concept of the strict dichotomy¹ between the spiritual and practical parts of life determinative for the German nature from Russian authors' point of view. As mentioned for example in P. V. Chichagov's notes, «они [i.e. Germans] знают, что благо часто бывает вещественное; высокое почти всегда воображаемое, поэтому-то они и не примешивают никогда своей метафизики к делам житейским, а, следовательно, — и к делам государственным» [Chichagov: 26].

However, the overorganized, highly controlled locus can also be repugnant. Germany in some episodes of the Russian travelogues is labeled antiidyll, repression mechanism. In the most cases this brutal site of the German space is Prussia. As for example, Berlin and Potsdam are marked in V. N. Zinovyev's text as prison-places for the own Prussian soldiers: «...состояние солдат самое несчастливейшее: и в Берлине, и в Потсдаме нарочно стены возведены, чтобы беглых чрез оные удерживать, часовые так часто расставлены около оных, что, кажется, возможности нет бежать...» [Zinovyev: 337].

The image of the city-prison is represented in the highest degree in A. Ya. Klimov's travelogue as the author was actually imprisoned in Prussia as a soldier who had been captured at fist by Prussians, claimed then as fallen in battle and forced to serve during 30 years in the Prussian army. After killing his brutal sergeant-major by accident the author describes his desperation because of impossibility to flee to Saxony: «Я уже думал бежать из Берлина, но куда было можно? <...> Граница ж была весьма крепко утверждена егерями. Да из Берлина выйти было невозможно за крепким и частым

---

¹ The variant of this dichotomy is also presented in N. V. Gogol's letters. Here, the writer differs the spiritual Germany that had arisen in his imagination inspired by German philosophy and literature before he visited the land («...в это время <...> я смешивал немецкую ученость, немецкую философию и литературу с немцами. <...> немецкая поэзия далеко уносила меня тогда в даль, и мне нравилось тогда ее совершенное отдаление от жизни и существенности» [Gogol' 11: 251]) and the 'prosaical' Germany of his later real travel («Я... в ней ничего не видел, кроме скучных табльдотов и вечных, на одно и то же лицо состряпанных кельнеров...» [Gogol' 11: 187]).

караулом. Ибо Берлин с одной стороны <...> окружен был высокою каменною стеною, а с другой стороны <...> — палисадами, где стоял весьма часто караул...» [Pokhozhdeniya praporschika Klimova: 53]. Additionally, A. Ya. Klimov mentions that all the Russian war prisoners were kept in barracks during Prince Pavel's visiting Prussia due to prevent their meeting him: «...увидели себя опять под игом прусским, потому что... король прусский приказал нас всех, находящихся в полку россиян, загнать под крепкий караул...» [Pokhozhdeniya praporschika Klimova: 73–75].

Moreover, D. I. Fonvizin marks the city Frankfurt-am-Main as a gloomy prison: «...мрачность в нем самая ужасная» [Fonvizin 2: 506]; «Надобно в нем родиться или очень долго жить, чтоб привыкнуть к такой тюрьме» [Fonvizin 2: 507].

As for the sentimentalism discourse, it must be kept in mind that the image of the regular state, i.e. ordered and rationally organized, is destined here to be ambivalent. The patriarchal idyll of Arcadia transferred from the field of mythopoetics is never completely congruent even in the sentimentalism travelogues with the 'real' Germany examined and described by the Russian travelers. Consequently, dualization of the German spatial imaginarieness is unavoidable to balance between the idyllic utopia and the rationalized dystopia of the state-mechanism that manages people's lives. There is no room for violence in the idyll by virtue of its nature that's why even the sentimental narrative representing the German reality has to push boundaries of the idyll. In contrast, the pre-Karamzin travelogues do not deal with the 'narrative' problem of combining idyllic and antiidyllic elements, the ideal model of the enlightened monarchy and the representation of the real state.

Although the antiidyllic features of the German space in the sentimentalism texts are rather softened, they are actualized in some images of German bureaucracy connected with the motif of spatial ordering. Prussian Officials' parvanimity and punctuality are mentioned by Karamzin's Russian traveler who mocks so called "Prussian examinations" («прусские допросы») when entering and leaving places: «Во всяком городке и местечке останавливают проезжих при въезде и выезде, и спрашивают, кто, откуда и куда едет?» [Karamzin: 31]. The highest point of this motif is actualized in the Berlin space. At first, a sergeant at the city gate interrogates arrivals: «Кто вы? Откуда едете? За чем приехали в Берлин? Где будете жить? Долго ли здесь пробудете? Куда поедете из Берлина?», that provokes Russian traveler's ironic remark about "curiosity of the local government" («любопытство

здешнего Правительства» [Karamzin: 33]. Then, the innkeeper in Berlin makes the Russian traveler fill up a form with the same questions and an extra-question «в какие ворота вы въехали?» what causes in return an ironic likening between the Prussian capital and a city under siege: «...какая осторожность! Разве Берлин в осаде?» [Karamzin: 35]. In such a way, the urban space is marked with the features of a barrack¹ and a registry at the same time. Everything here is to be controlled and registered. The information received from newcomers is published in newspapers after a day. Finally, the motif of the “Prussian examinations” is stated in representation of Potsdam, the former residence of Friedrich the Great though in a softened form: «У ворот записали наши имена; однакожь в рассуждении допросов ныне нет уже такой строгости, как прежде. Покойный Король, живучи в Потсдаме, хотел знать обо всех приезжих» [Karamzin: 41].

F. P. Lubyansky, who pays far more attention in comparison with N. M. Karamzin to representing German social-political and economical order, emphasizes mechanisms of real ordering the space by stating social frameworks out of which the actors may not go. It can be illustrated with an example of fiscal restrictions from the Saxon economics: «Здесь <...> я не могу продать в городе даже птицы, прежде нежели заплачу на заставе один из тех грошей, кои надеюсь еще за нее выручить» [Lubyansky 1: 41]. As stated by the author, Germans appear to be less free than Russian people in commerce: «В благословенном Русском Царстве каждый, кто хочет, свободно все продает и покупает» [Lubyansky 1: 40–41]. N. M. Karamzin mentions in a similar way that the Prussian king has curtailed freedom of commerce for Danzig belittling its prosperity and independence: «...блеск сего города померк с некоторого времени. Торговля, любящая свободу, более и более сжимается и упадает от теснящей руки сильного» [Karamzin: 26].

A. T. Bolotov reveals that the idyllic peace and decency at public celebrations in Königsberg is at least partially determined by not citizens' goodwill but the fear of police: «Наша полиция наблюдает весьма строго то, чтоб ничего подобного... не происходило. <...> кому вздумается что-нибудь непристойное и неприличное предпринять, тотчас под руки, и выведут со стыдом вон и вытолкают в двери, кто б он таков ни был» [Bolotov 1: 832].

---

¹ Prussia at whole is marked as a military space and a space of violence in many Russian travelogues of the epoch.

The romanticist V. K. Küchelbecker labels Germany by and large the place of freedom in the post-Napoleonic Europe but determines in an extremely emotional manner some “humiliating and slavish” («унизительные и рабские») habits of Dresden like using sedan chairs and making orphans sing grim songs about death, judgement and demolition in the empty evening streets of the city [Küchelbecker: 25].

There are more ironic remarks about German orders in the later Russian literature which can be referred to the post-romanticism, travesty and ‘slice-of-life’ discourses. German excessive appreciation for keeping order with the help of police is stated in I. P. Myatlev’s humorous poem dedicated to travelling of the fictional character Mme Kurdyukova: «...славных полицейских подобрали... *Ле режим муниципаль* только в городе годится, но когда распространится в государстве, — *се фини!* Ты оглобли поверни...» [Myatlev 1: 64].

The common place of the Russian travelogues describing Germany is invectives against German pedantic customs officers. D. P. Gorikhvostov mentions “strict customs control” in the Prussian boudaries: «...медленный доступ таможенных надсмотрщиков и деспотическая их власть перерывать имение у проезжающих — несносны...» [Gorikhvostov 2: 381–382]. Kurdyukova laments officers’ brutality with her luggage: «Здесь мой бедный чемодан весь расшарят, раскидают...» [Myatlev 1: 49]. Harshness of the customs office in Dresden is stated in N. A. Korsakov’s text: «Осмотр был самый строгий. ...не только вскрыли ящики, но и из обертки все вынули» [Korsakov: 91]. There is also the scene with a pedantic customs officer slowing down the traveler in M. P. Pogodib’s travelogue: «Немец принялся читать артикул с чувством, с толком, с расстановкой, делая ударение на всяком знаке препинаний, три товарища следовали за ним глазами и телодвижениями, повторяя в полголоса последние слова...» [Pogodin 1: 107].

The same painful pedantry as addiction to ordering the space is mentioned by the author in the episode when the traveler asks Germans which way to go: «Немцы рассказывают о дороге <...> совершенно отличным образом от Русских: они опишут вам ее всю, начиная от того места, с которого вы спрашиваете, и до того, куда хотите прийти, целую Историю, или лучше Географию» [Pogodin 4: 56]. By the way, Germans order the space (with giving the route scheme) not only in their speech but also in imagination, i.e. twice: «Немец непременно остановится, пройдет

сам в воображении всю дорогу...» [Pogodin 4: 56]. They do it in good faith without noticing their order makes another person suffer because of their pedantry: «Эти добрые люди мучили меня столько, что я решился их не спрашивать, дабы не слушать их длинных рассказов» [Pogodin 4: 57].

As you can see, the motif of order seems to be basic for representing the German space in the Russian literature of the end of 18th — the first half of the 19th centuries though it gets various interpretations — positive and negative — in dependence to authors' attitudes.

Besides, there are several other features typical for this space. One of them is the motif of cleanness/accuracy/trimness that is connected with orderliness of the German loci. The cleanness of German places is emphasized in D. I. Fonvizin's travelogue: «...город недурен и чистехонек» [Fonvizin 2: 506] (Marienwerder); «Чистота, услуга и удобства <...> неописаны» [Fonvizin 2: 509] (Leipzig); «...стали в трактире, в котором безмерная чистота и опрятности привели нас в удивление. Все улицы и дома здешние так чисты, что уже походит на аффектацию» [Fonvizin 2: 511] (Nürnberg).

The same motif characterizes the German space in Karamzin's travelogue («Мы пошли в трактир, где, кроме хозяина и гостей, все было довольно чисто» [Karamzin: 25] (Elbing); «Отменная чистота стекол украшает вид их [i.e. houses]» [Karamzin: 27] (Danzig); «Комната у меня чиста и светла...» [Karamzin: 60] (Memel)) as well in F. P. Lubyanovsky's text («Чистота и опрятность даже в бедных домах...» [Lubyanovsky 1: 31] (Silesia); «Город <...> по чистоте <...> весьма примечателен» [Lubyanovsky 1: 85] (Hernhut); «Здесь [i.e. in Bohemia] по селениям я не нашел той опрятности, того порядку и той чистоты, коими столь любовался в Саксонии» [Lubyanovsky 1: 107]) and A. T. Bolotov's memoirs («...деревни были чистые, расположены и построены изрядным образом...» [Bolotov 1: 466] (East Prussia), «...повсюду господствовал порядок и везде видна была чистота и опрятность» [Bolotov 1: 639] (Gumbinnen)).

The motif of cleanness is also represented in Russian travelogues of the 1830-ies — 1840-ies. I. P. Myatlev marks Manheim as “neat clean” («чистенький») [Myatlev 1: 141] and Frankfurt as “accurate, as neat as a new pin” («аккуратный, как с иголочки») [Myatlev 1: 118]. N.A. Korsakov uses this motif describing an asylum in Hamburg. Cleanness prevails here in kitchens and lunchrooms: «...чистое столовое белье, оловянные миски и кружки кажутся серебряными» [Korsakov: 23]. M. P. Pogodin combines

the motives of orderliness, rationality, comfort and cleanness in the images of German hotels: «Немецкие гостиницы устроены отлично: чистота, порядок, точность и определенность, заслуживают всякой похвалы» [Pogodin 1: 88]. Herewith, the active character of the German nation is stressed because of which the nature become anthropic, is transformed in a comfortable locus marked with the motif of cleanness. The latter is also represented in the image of clean and comfortable pathways in the Marienbad area. As stated by the author, cleanness is a natural element of Germanness but not Russianness. According to M. P. Pogodin's ironic remark, if hardly ten Germans are enough to keep these pathways clean it would require more than two hundred people in Russia: «...по-нашему надо бы приставить к ним сотни две работников, дюжины две садовников, и несколько чиновников, под начальством Директора, в великолепной квартире...» [Pogodin 4: 66–67]. According to the author, cleanness in Russia is spread forcedly and top-down while Germans keep order without special control and heavy costs.

The motif of orderliness is also closely connected with the motif of closeness typical for representing German loci in the Russian literature. The images of prison-cities and 'besieged-like' cities with the boundaries strictly controlled were mentioned above in the paper. However, there are not only 'military' or 'prisonous' connotations in representations of the motif. Germans in the Russian texts are often represented to prefer sealing themselves off from the outer world that is dangerous and non-ordered. N. M. Karamzin's Russian traveler praises "sizeable gardens" in Königsberg allowing to rest in nature without leaving the city [Karamzin: 23]. The Königsbergers from A. T. Bolotov's memoirs also prefer resting in these inner gardens or walking in near neighborhood of the city in contrast with narrator's Russian casual friends making once a dangerous boat ride for a picnic.

F. P. Lubyansky mentions about a habit in Dresden to close the city gates at hours of preaching [Lubyansky 1: 19]. Additionally, he informs that all the gates in Leipzig except one are closed at 9 p.m. due to keep watch on city-folk's moral, i.e. to order people's lives: «...строгая здешняя Дума заметила между... жителями слишком уж явное расслабление в нравах. Гулянье за городом и особливо ночью было к тому для всех выгодным убежищем. Дума велела запирать в 9 часов все городские ворота, оставляя только одни для проходящих; но и тут надобно заплатить грош, когда кто желает войти или выйти» [Lubyansky 1: 59–60]. N. M. Karamzin's Rus-

sian traveler gets to know this rule of Leipzig. After having spent his time in a tavern out of the city till the midnight, he has to pay for opening the gate: «Таков закон в Лейпциге: или возвращайся в город ранее, или плати штраф» [Karamzin: 68]. The same thing is mentioned by N. A. Korsakov in a Hamburg episode of his journey: «...становится поздно, и по прибытии 9 час. вечера вы заплатите 4 шил. 932 к. штраф» [Korsakov: 20].

Orderliness and closeness of the German space is additionally connected to the motif of the spatial limitation characterizing German loci in the Russian texts. It should be generally agreed with G. D. Gachev's statement about narrowness of the German world where "...there is Nähe all the time..., there is no Ferne — expanse that is always present in Russia"¹ [Gachev: 243]. That's why the vertical of the Height and the Depth dominates the horizontal of the Distance and the Expanse in the imaginal Germany. Of course, there are images of German open and wide spaces in the analyzed Russian travelogues but they as a rule belong to representing wild nature space which is seen by a character, single and foreign in the German chronotope.

This horizontal limitation can be actualized as narrowness, tightness what is typical for images of medieval-like German urban places with their gothic architecture style. Of course, these features can't be labelled unique, characterized only for Germany but they are perceived by the Russian authors as differentiating between the Russian and German space. D. I. Fonvizin describes Königsberg in his usual critical manner: «Улицы узкие, дома высокие, набиты немцами, у которых рожи по аршину» [Fonvizin 2: 505–506]. The same is stressed by the writer in the image of Nürnberg with its "narrow streets" and "numerous people" (reference to a cramped area): «...считают в нем до восьмисот улиц, что и не удивительно, если называют улицами все по горам закоулки, какие на сто шагов обыкновенно встречаются» [Fonvizin 2: 512].

The narrowness of the German urban space is mentioned in N. M. Karamzin's travelogue: «Дрезден едва ли уступает Берлину в огромности домов; но только улицы здесь гораздо теснее» [Karamzin: 51]; «В городе улицы узки, хороших домов мало...» (Mainz) [Karamzin: 90]. A. T. Bolotov seems to prefer wider new streets of Königsberg to narrow ones in its historical center: «...в тесных городских улицах <...> нередко бывает... дурной запах и духота, заражающая воздух, и от того нижние покои обыкновенно бывают очень скучны и от узкости улиц темны» [Bolotov 1: 714]. "Great

---

¹ Hereinafter translated from Russian by the author.

multitude of people" («многолюдство») [Lubyansky 1: 36] combined in Saxony with "shortage of land" («недостаток земли») [Lubyansky 1: 37] is noticed by F. P. Lubyansky. The author also combines the motif of orderliness with the motif of the spatial limitation in his representation of the Saxon space: «...в такой области, которой значащую часть можешь глазами измерить сверху высокой башни, легко удержать во всем порядок и постоянным надзором отвратить несчастные происшествия» [Lubyansky 1: 43]. As you can see, the vertical axe (high tower) dominates the horizontal of the German landscape ordering it.

The half-German Narva from V. K. Kyuchelbeker's travelogue is also marked by the narrowness and antithesized to the spacious Saint Petersburg: «Нарва после С.-Петербурга производит на душу странное впечатление. Улицы, и сверх того главные, уже нашего грязного переулка...» [Küchelbecker: 7].

Bonn is mentioned in I. P. Myatlev's poem as "small and narrow town" («город маленький и тесный») [Myatlev 1: 94]. The space of Hamburg beyond the boundaries of the rich district is marked with backstreets («закоулки») and narrowness («теснота») [Myatlev 1: 33]. N. A. Korsakov stresses the same elements in the image of Lübeck: «сплошные, один к другому пристроенные дома», «узкие переулки» [Korsakov: 14]. M. P. Pogodin mentions in Frankfurt "many old narrow streets with ramshackle buildings" («много старых узких улиц с полуразваленными домами») [Pogodin 4: 50].

It should be admitted that the narrowness of the German space is not always marked negatively by the travelers used to the Russian expanse¹. It can be in some cases a feature of the very positive idyllic space. Narrowness and heavy population density of Germany refers to the comfortable civilized anthropic loci, the human presence in landscape, the space of life. For example, it is stressed by A. T. Bolotov ("Какое великое множество деревень представилось тогда вдруг моему зрению! Истинно все поля были ими власно как усеяны!") [Bolotov 1: 714]), F. P. Lubyansky («...вдруг усматриваю в отдаленности... цепь гор, виноградными лозами покрытых, городские башни и множество селений» [Luby-

---

¹ Cf. an image of the Russian expanded urban space represented by a German traveler that is an antipode of the German narrow urban place in the Russian texts: "There can be 10 times more houses in the space occupied by a German town" [Potapenko: 45].

anovsky 1: 28-29], V. K. Kyuchel'beker («Все долины, холмы и скаты усеяны бесчисленным множеством селений, деревень, городов — все здесь кипит жизнью» [Küchelbecker: 13]).

The German loci in the Russian travelogues are often represented as not only narrow but also miniature. It is actualized with using diminutives which have a hypocoristic or derogative senses of word in accordance with author's attitude to Germany. D. I. Fonvizin represents the spatial images of the land with critical expressions like «землишка» Saxony [Fonvizin 2: 511], «деревнишки» Sarkau and Rossitten [Fonvizin 2: 505], «городки» Friedland, Lukau and Schleiz [Fonvizin 2: 506, 507, 511] and even an oxymoronic word-combination «большой городок» Marienwerder [Fonvizin 2: 506]. It should be connected with the concept of the German space as something small in comparison with the Russian expanse. Diminutiveness of particular parts within the patched-up Germany is stressed in the fragment where the size of territories marks metonymically their rulers («small princes»): «...ехал я по немецким княжествам: что ни шаг, то государство. Я видел Ганау, Майнц, Фульду, Саксен-Готу, Эйзенах и несколько княжеств мелких принцев» [Fonvizin 2: 455].

The opposition «Russian expanse — German miniatureness» in the spatial context is immanently presented in V. N. Zinovyev's ironic reasoning about German princesses of small lands («княгинюшки») and Catherine the Great who had been the princess of Anhalt-Zerbst but became the Empress of Russia: «...прискорбно должно быть немецким княгинюшкам, которые государыню как принцессу Цербстскую знали, и теперь видят, что она судьбу Европы решает» [Zinovyev: 348]. In addition, V. N. Zinovyev determines the prince of Kassel as «small» similarly to D. I. Fonvizin [Zinovyev: 349].

The motif of the German spatial miniatureness is interpreted otherwise in the sentimentalism travelogues. The expressions like «the small town» («маленькой городок») Heiligenbeil [Karamzin: 24], «two small towns» («два маленькие городка») Köslin and Körlin [Karamzin: 30], «small groves and villages» («рощицы и деревеньки») [Karamzin: 61] etc. produce rather tenderness from N. M. Karamzin's narrator and mark the loci as idyllic.

A. T. Bolotov's representation of East Prussia balances between the idyllic and slightly ironic interpretations. The latter is actualized in the episode with the bishop of Ermland («бискуп эрмладдский») living like a «small appanage prince» («маленький удельный князь») [Bolotov 1: 641]. The motive

of miniatureness is ironically stressed in A. T. Bolotov's description of the local life: «Жил он тут как маленький государь: имел у себя несколько военных людей <...>; были у него также пушки и придворный маленький штат <...>; но все сие в сущей миниатюре пред большими государями»¹ [Bolotov 1: 641]. The author uses, however, diminutives with idyllic representing the small loci of East Prussia: "Prussian small towns" («пруссские маленькие городки») [Bolotov 1: 639], "Prussian boroughs and towns" («пруссские местечки и городки») [Bolotov 1: 640].

The motif of German spatial miniatureness in its idyllic form is travestied later, in I. P. Myatlev travelogue. Mme Kurdyukova declares in her critical manner against the Arcadian common places of sentimentalism: «Мне несны деревушки, Пастухи, стада, пастушки» [Myatlev 1: 169]. The motif suffers a semantic 'erosion' in the Russian literature. But it keeps existing in a watered-down version. Exemplarily, N. A. Korsakov describes an idyllic "small German village" "with small white houses and <...> tiled roofs" («немецкая деревушка; с белыми домиками и <...> черепичными крышами» [Korsakov: 13]).

Thus, a set of principal features that determines representation of the imaginal-geographic Germany in the Russian travelogues of the end 18th — the first half of the 19th centuries was stated. The main characteristic of the German literary space appears to be orderliness in two forms. The first one is based on the concept of rationality inspired by the Enlightenment. In this context, orderliness actualizes as civilization, spatial ordering and organizing, rational land management and comfort. The second form of the German order is connected with the Arcadian myth adopted by the sentimentalism discourse and also kept partly existing later, in the frames of other narratives — the romanticism discourse, the modalities of travesty and 'slice-of-life'. The second form is connected with motives of peace, abundance, temperance, harmony relations between people and nature.

It must be stressed that these two forms do not exist separately but are often highly mixed. The anthropic-dimensional gentrifying space of Germany seems to be both idyllic and rationally organized in many cases. The images

---

¹ Cf. a non-ironic but idyllic image of similar German ruler's life in F. P. Lubyansky's travelogue: «Сам Князь [i.e. the Prince von Dessau] не что иное, как богатый помещик. Он скупил имение у всех дворян, и все Княжество есть его собственность. Сто инвалидов составляют всю его гвардию. <...> Он безвыездно живет в саду своем в Верлице и как частный владелец в спокойствии может иметь все удовольствия» [Lubyansky 1: 67].

of it are marked with the elements of Ratio and Emotio. German rulers' images contain features of an enlightened monarch but also of an idyllic patriarch.

Both the German idyll and the rationally organized loci are ambivalently marked in the Russian literature of the analyzed epoch. The idyll can be delighted and admired by the travelers but also ironically described as the territory of Philistines, narrow-minded bourgeois. Advances of civilization referring to the 'rational' Germany are appreciated, on the one hand. On the other hand, overorganizing the German space is determined as dangerous, slavish and oppressive in the context of human lives. The most illuminating example of it is the image of the German prison-city.

Along with orderliness, other stable features of the German loci in the Russian travelogues were determined like cleanness, accuracy, closeness, narrowness, miniatureness that is opposite to the Russian expanse. All of these features are connected somehow or other with the concept of order and can be traced over the studied period of the Russian literature.

Список литературы

Источники

Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова: описанные самим им для своих потомков: в 4 т. СПб.: Печатня В. Головина, 1870–1973.

Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: в 17 т. М.: Изд-во Московской Патриархии, 2007–2010.

Горихвостов Д. П. Записки россиянина, путешествовавшего по Европе с 1824 по 1827 год: в 2 кн. М.: Тип. кн. Львова, 1831–1832.

Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1984. 717 с.

Корсаков С. А. Рассказ о путешествии по Германии, Голландии, Англии и Франции Н. А. Корсакова в 1839 году. М.: Тип. Н. Эрнста, 1844. 111 с.

Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л.: Наука, 1979. 790 р.

Лубяновский Ф. П. Путешествие по Саксонии, Австрии и Италии в 1800, 1801 и 1802 годах: в 3 ч. СПб.: Медицинская тип., 1805.

Мятлев И. П. Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границею, дан л'этранже: в 2 т. СПб.: Изд-во А.С. Суворина, 1904.

Погодин М. П. Год в чужих краях (1839) в 4-х ч. М.: Университ. тип.; Тип. Н. Степанова, 1844.

Похождения прапорщика Климова: мемуары XVIII века. СПб.: Пушкинский Дом, 2017. 280 с.

Фонвизин Д. И. Собр. соч.: в 2 т. М.; Л.: Худож. лит., 1959.

Чичагов П. В. Записки. М.: Российский Архив, 2002. 800 с.

Исследования

Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Эллада, Германия, Франция: опыт экзистенциальной культурологии. М.: Логос, 2008. 424 с.

Жданов С. С. Идиллический образ Германии в русском сентиментализме рубежа XVIII–XIX веков (на материале произведений Н. М. Карамзина и Ф. П. Лубяновского) // Сибирский филологический журнал. 2018. № 2. С. 53–66.

Зиновьев В. Н. Журнал путешествия по Германии, Италии, Франции и Англии (1784–1785) // Россия и Запад: горизонты взаимопознания. М.: ИМЛИ РАН, 2008. Вып. 3: Литературные источники последней трети XVIII века. С. 335–380.

Оболенская С. В. Германия и немцы глазами русских (XIX в.). М.: ИВИ РАН, 2000. 210 с.

Потапенко О. А. Николаевская Россия глазами немецкого путешественника: А. фон Гакстаузен // Россия и Европа в XIX – XX веках. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. М.: Ин-т истории РАН, 1996. С. 40–49.

Тирген П. Образы Аркадии в русской литературе XVIII–XIX вв. // Имагология и компаративистика. 2015. № 2 (4). С. 69–110.

Lebedeva O. B., Yanushkevich A. S. Deutschland im Spiegel der russischen Schriftkultur des 19. und beginnenden 20. Jahrhunderts. Cologne; Weimar, Vienna: Böhlau Verlag, 2000. 276 p.

Leerssen J. Imagology: History and method // Imagology: The cultural construction and literary representation of national characters. A critical survey. Amsterdam; New York: Rodopi, 2007. P. 17–32.

Neumann B. Grundzüge einer kulturhistorischen Imagologie: Nationale Selbst- und Fremdbilder in britischer Literatur und anderen Medien des 18. Jahrhunderts // Kultur-Poetik. 2010. Bd. 10, H. 1. S. 1–24.

Neumann F. W. Deutschland im russischen Schrifttum // Die Welt der Slaven. 1960. H. 2. S. 113–130.

Westphal B. Geocriticism. Real and Fictional Spaces. London: Palgrave Macmillan, 2011. 192 p.

References

Gachev, G. D. *Natsionalnye obrazy mira. Ellada, Germaniia. Frantsiia: opyt ekzistencialnoi kulturologii* [National Images of the World. Hellas. Germany. France: Attempt of an Existential Culture Study]. Moscow, Logos Publ., 2008. 424 p. (In Russ.)

Zhdanov, S. S. "Idillicheskii obraz Germanii v russkom sentimentalizme rubezha XVIII–XIX vekov (na materiale proizvedenii N. M. Karamzina i F. P. Lubianovskogo)". ["Idyllic Image of Germany in Russian Sentimentalism at the Turn of the 19th Century (Based on N. M. Karamzin's and F. P. Lubyonovskiy's Works)"]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, no. 2, 2018, pp. 53–66. (In Russ.)

Zinovyev, V. N. "Zhurnal puteshestviya po Germanii, Italii, Frantsii i Anglii (1784–1785)" ["Travelogues in Germany, Italy, France and England (1784–1785)"]. *Rossiya i Zapad: gorizonty vzaimopoznaniya* [Russia and the West: Horizons of Mutual Knowledge], vol. 3. Moscow, IWL RAS Publ., 2008, pp. 335–380. (In Russ.)

Obolenskaya, S. V. *Germaniya i nemtsy glazami russkikh (XIX v.)* [Germany and Germans as Seen by Russians (19th Century)]. Moscow, IWH RAS Publ., 2000. 210 p. (In Russ.)

Potapenko, O. A. "Nikolaievskaya Rossiia glazami nemetskogo puteshestvennika: A. von Haxthausen" ["Nicholas's Russia as Seen by a German Traveler: A. von Haxthausen"]. *Rossiia i Evropa v XIX–XX vekakh. Problemy vzaimovospriiatiia narodov, sotsiumov, kultur* [Russia and Europe in the 19th–20th Centuries. Issues of Mutual Perception of Nations, Societies, Cultures]. Moscow, IWH RAS Publ., 1996, pp. 40–49. (In Russ.)

Thiergen, P. "Obrazy Arkadii v russkoi literature XVIII–XIX vv." ["Images of Arcadia in Russian Literature of the 18th–19th Centuries"]. *Imagologiya i komparativistika*, no. 2 (4), 2015, pp. 69–110. (In Russ.)

Lebedeva, O. B., Yanushkevich, A. S. *Deutschland im Spiegel der russischen Schriftkultur des 19. und beginnenden 20. Jahrhunderts*. Cologne; Weimar, Vienna, Böhlau Verlag, 2000. 276 S. (In German)

Leerssen, Joep. Imagology: History and method. In: *Imagology: The cultural construction and literary representation of national characters. A critical survey*. Amsterdam; New York, Rodopi Publ., 2007, pp. 17–32. (In English)

Neumann, Birgit. Grundzüge einer kulturhistorischen Imagologie: Nationale Selbst- und Fremdbilder in britischer Literatur und anderen Medien des 18. Jahrhunderts. *KulturPoetik*, 2010, Bd. 10, H. 1. S. 1–24. (In German)

Neumann, Friedrich. Wilhelm. Deutschland im russischen Schrifttum. *Die Welt der Slaven*. 1960, H. 2. S. 113–130. (In German)

Westphal, Bertrand. *Geocriticism. Real and Fictional Spaces*. London, Palgrave Macmillan Publ., 2011. 192 p. (In English)